С.В. Пчелинцев,
кандидат юридических наук

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ИНТЕРЕСЫ БЕЗОПАСНОСТИ: ВЫБОР ПРИОРИТЕТОВ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Осуществляемое с начала 1990-х гг. активное реформирование правовых основ обновленной России как демократического правового государства сопровождалось утверждением идеи верховенства прав и свобод человека как одного из основополагающих (наряду с принципами верховенства права и права на судебную защиту) общеевропейских принципов. Закрепление в Конституции Российской Федерации нормы, согласно которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека, стало одним из главных достижений современной отечественной правовой мысли. В научной литературе все чаще высказываются соображения о более высокой значимости такой ценности, как человеческая личность, ее права и свободы, по сравнению с национальными интересами.

Член-корреспондент РАН С.С. Алексев полагает, что фундаментальные человеческие права, признанные мировым сообществом, непосредственно, причем независимо от воспроизведения или упоминания о них в национальных законодательных документах (и в условиях верховенства закона, и в развитом прецедентном праве), напрямую входят в содержание действующей юридической системы и имеют в стране непосредственное юридическое действие[1].

В то же время в условиях глобализации, полагает Н.С. Бондарь, важно определиться в выборе приоритетов, ибо вопрос заключается в том, являются ли глобалистскими приоритетами свобода и права человека, или ценности безопасности. Это связано с тем, что в силу возникновения в нынешнем веке новых глобальных угроз человечеству (международный терроризм, природные и техногенные катастрофы, угроза глобального потепления и т. д.) все большее значение в мире приобретают вопросы безопасности личности, общества и государства. По мнению Н.С. Бондаря, положительный ответ только на один из этих вопросов, заключающийся в выборе только одного из вышеназванных приоритетов, представляется сомнитель-

[1] См.: *Алексеев С.С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 644.

ным[1], тем более, что права и свободы граждан гарантируются прежде всего государством.

Как отмечает Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, «права и свободы, в том числе прирожденные, не могут реализовываться без дееспособной политической власти, т. е. вне государства как политического сообщества народа, связанного правом и общей целью[2]». Поэтому «неверно противопоставлять личность и государство, когда государственная власть исходит от народа, принадлежит и служит только ему»[3], что обусловливает необходимость поиска оптимального решения в определении баланса между ценностями публичного характера, с одной стороны, и частными интересами – с другой.

В этой связи в условиях правовой глобализации «нахождение баланса власти и свободы составляет главное содержание теории и практики современного конституционализма[4]», учитывая, что «резкая диспропорция интересов, их жесткая конкуренция не просто вредна, а пагубна. И право на этом пути должно жестко регламентировать соблюдение баланса интересов, способствовать гармонизации»[5].

По результатам анализа высказанных в научной литературе точек зрения представляется возможным предположить следующие соображения. Учитывая, что принцип уважения прав человека пронизывает все содержание Конституции Российской Федерации (ст. 6, 17, 18 и 55 и др.), преобладает точка зрения, что личность является главным звеном политических отношений, а потому «всякая политика, в чем бы она ни выражалась, в конечном итоге обслуживает интересы личности и ее сообществ»[6]. Характерно в этом смысле высказывание Н.Ю. Хаманевой о том, что построение гражданского общества немыслимо, если интересы гражданина стоят ниже государственных[7].

Как отмечает Т.Н. Нешатаева, принцип верховенства основных (фундаментальных) прав человека следует признать не только од-

---

[1] *Бондарь Н.С.* Конституционное правосудие как фактор модернизации российской государственности // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 15 – 17.

[2] *Зорькин В.Д.* Верховенство права и конституционное правосудие // Там же. № 12. С. 31.

[3] *Хабриева Т.Я.* Конституционализм в России: 10 лет развития // Конституция и законодательство. М., 2003. С. 13.

[4] *Бондарь Н.С.* Указ. соч. С. 15 – 17.

[5] *Баранов В.М.* Деструктивное воздействие права и национальные интересы // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 86.

[6] *Рыбаков О.Ю.* Личность и правовая политика // Российская правовая политика: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2003. С. 252.

[7] См.: *Хаманева Н.Ю.* Понятие и сущность административно-правового статуса гражданина // Административно-правовой статус гражданина / Отв. ред. Н.Ю. Хаманева. М., 2004. С. 3.

ним из важнейших общеевропейских принципов естественного права (наряду с принципами верховенства права и права на суд), но и главенствующим среди них[1]. С учетом изложенного в научной литературе отмечается, что задачи права должны проецироваться на конституционную систему таким образом, чтобы государство действовало лишь в интересах человека и юридически способствовало обеспечению его физической, материальной и духовной защиты[2]. Постановка вопроса подобным образом обосновывается тем, что целями правового государства является обеспечение границ свободы индивида, недопустимость нарушения пространства свободы, запрет применения насильственных мер и ограничения прав и свобод, не основанных на правовом законе[3].

Ставится вопрос о необходимости обеспечения такого социального статуса прав человека, притом прав отдельной личности, когда они не только находятся в одном ряду с государством как единым и верховным сувереном на данной территории, но имеют по отношению к государству в целом приоритет. При этом в качестве ключевого звена перехода к реальному делу в обеспечении прав человека С.С. Алексеев рассматривает юридическое возвышение прав человека, когда через категорию объективного права они приобретают глобальное значение[4]. В результате на современном этапе развития нашего общества права и свободы граждан из второстепенного объекта законности преобразуются в приоритет национальных интересов Российского государства[5]. По приведенным причинам в конце XX – начале XXI вв. в отечественной научной литературе преобладающим являлся подход, в основе которой находился принцип приоритета прав человека над правами народов и наций и связанный с ним принцип приоритета обеспечения в правовой политике России личной безопасности граждан[6].

Одноременно в научной литературе в последнее время отмечается, что подобный подход к определению приоритетов правовой политики (поставить в центр правовой системы личность как высшую

---

[1] См.: *Нешатаева Т.Н.* Суд и общепризнанные нормы международного права // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 3. С. 134 – 135.

[2] См.: *Макушин А.А.* Идея конституционной защиты человека в России // Правоведение. 2004. № 1. С. 25.

[3] См.: *Иванов Г.И.* Права человека: Учебное пособие / Под ред. М.Ф. Чудакова. М., 2004. С. 108 – 109.

[4] См.: *Алексеев С.С.* Указ. соч. С. 660 – 661, 673.

[5] См.: *Савенков А.Н.* Конституционная законность и военная безопасность России. М., 2002. С. 11 – 12.

[6] См.: *Лукашева Е.А.* Кризисная ситуация в советском обществе и права человека // Права чело-века: время трудных решений. М., 1991. С. 69.

социальную ценность) отнюдь не безупречен. Категории личности и государства из-за глобальности и разноплановости охватываемых ими явлений слишком многозначны для того, чтобы служить для определения приоритетов правовой политики. Кроме того, вызывает сомнение обоснованность постановки в один ряд личности и государства, находящихся «в разных весовых категориях»[1].

Примат безопасности личности перед безопасностью общества и государства, когда интересы личности определяют интересы общества и государства, ставится под сомнение и в других публикациях[2], тем более что государства в настоящее время сохраняют свое основное значение поддержания и развития существующих социальных отношений[3]. В научной литературе также отмечается, что существуют и иные объективные факторы, препятствующие приоритетности прав человека[4].

С учетом изложенного возрастание в современных условиях актуальности поиска оптимальных форм соотношения интересов личности и государства все чаще отмечается в научных работах последнего времени. Его сложность обусловлена возможными крайностями, на которые обращает внимание Е.А. Лукашева: «Модель личностного приоритета может породить крайний индивидуализм и эгоизм; модель общественного приоритета порождает “тоталитарный коллективизм”, связанный с поглощением личности государством, ограничением ее автономии и самоопределения»[5]. Проблема заключается в преодолении этих крайних деформаций.

По этим причинам в начале XXI в. отмечается тенденция некоторого отхода от индивидуалистической концепции, когда права человека являются приоритетными, и все большего рассмотрения их с точки зрения общечеловеческих ценностей и публичных (общественных) интересов[6].

---

[1] См.: *Коробова А.П.* Приоритеты правовой политики // Российская правовая политика. М., 2003, С. 103.

[2] См.: Национальная безопасность Российской Федерации: проблемы укрепления государственно-правовых основ // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 4, 6.

[3] См.: *Ермошин В.В.* Философия истории и государство // Государство и право. 2005. № 10. С. 27.

[4] См.: *Нагорная М.А.* Принципы ограничений прав человека в публичном праве // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву. Н.Новгород, 1998. Ч. I. С. 75.

[5] *Лукашева Е.А.* Права человека как критерий нравственного измерения политики и государственной власти // Права человека и политическое реформирование. М., 1997. С. 5.

[6] См.: *Волкова Н.С.* Общественная безопасность и законодательство о правах человека // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 94.

Так, обращая внимание на опасность противопоставления интересов личности и государства, В.С. Шевцов отмечает следующее: «Не шарахаться, выражаясь образно, от государства нужно при понимании и истолковании природы и предназначения основных прав и свобод человека и гражданина в боязни подвергнуться риску быть заподозренным в приверженности к тоталитарно-этатическому образу мышления, а более всесторонне и глубоко проанализировать и понять корневые истоки, обусловливающие с объективной необходимостью сущностные связи и зависимости, существующие между ними». При этом он полагает бессмысленным обоснование приоритета личности перед государством, ибо и без личности и без государства демократическое гражданское общество существовать не может[1].

Такая же позиция несколько ранее высказывалась и Л.Д. Воеводиным, который считает, что на нынешнем переходном этапе пределы осуществления прав и свобод граждан представляют собой «реальное воплощение их свободы и ответственности, оптимального сочетания личных и общественных интересов при верховенстве последних»[2]. Подобный поход разделяется и другими авторами. В частности, Д.В. Карпов высказывает точку зрения, согласно которой «человек, желая быть свободным, должен смириться с определенными ограничениями в правах. Обоснованные ограничения прав всегда выражают объективные социальные закономерности, именно поэтому человеку приходится с ними считаться»[3].

Исходя из высказанных в научной литературе точек зрения, можно сделать вывод, что на данном этапе вопрос заключается в поиске компромисса, который позволил бы обеспечить допустимое сочетание интересов личности и государства с наименьшим ущербом для них. Важность решения этой проблемы объясняется тем, что от достижения оптимального компромисса прав человека и публичных интересов и, соответственно, известной гармонии общественного целого и конкретного индивида зависит нормальное функционирование и благополучие гражданского общества. Полярные же точки зрения, заключающиеся в обосновании только национальных интересов либо прав граждан, не учитывают фактического «двуединства»

---

[1] См.: *Шевцов В.С.* Права человека и государство в Российской Федерации. М., 2002. С. 27 – 31.

[2] См.: *Воеводин Л.Д.* Юридический статус личности в России: Учебник. М., 1997. С. 241 – 248.

[3] См.: *Карпов Д.В.* Критерии правомерности ограничения прав и свобод человека // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву. Н.Новгород, 1998. Ч. II. Т. 2. С. 133.

суверенного территориального государства и институтов гражданского общества[1].

С учетом изложенного существует необходимость конкретизации приоритетов отечественной правовой политики. За основу должны быть приняты национальные интересы как комплексное и многоаспектное понятие, требующее многофакторного, в том числе правового, обеспечения для сбалансированного учета интересов личности, общества и государства. Как отметил в докладе на международной конференции «Национальные интересы и законодательные приоритеты России» В.Д. Зорькин, главным в термине «национальные интересы» являются не интересы какой-либо нации в смысле этноса (коренного, титульного, составляющего большинство), а единство интересов граждан и общества в рамках конкретного суверенного государства, т. е. интересы народа (многонационального народа), интегрированного в государственное сообщество на основе прав, которые закреплены в Конституции[2].

[1] См.: *Саидов А.Х., Кашинская Л.Ф.* Национальная безопасность и национальные интересы: взаимосвязь и взаимодействие // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 122 – 125.

[2] См.: *Зорькин В.Д.* Национальные интересы, современный миропорядок и конституционная законность: доклад на международной научно-практической конференции (Москва, 25 октября 2005 г.). М., 2005. С. 1.